

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ

А.В.Батулина

Гуманитарный институт НовГУ, b.av@bk.ru

Статья посвящена исследованию номинативного поля фразеологизма *скудельный сосуд* в религиозном и «общекультурном» дискурсе и его роли в формировании одного из важнейших концептов в языковом сознании русских — концепта «человек». Анализ семантических трансформаций данного фразеологизма соотносится с вопросом об источниках интерпретации библейских фразеологизмов.

Ключевые слова: фразеологизм, библеизм, внутренняя форма, семантика

The article is devoted to the research of the nominative ground of the phraseological unit «the weaker vessel» in the whole cultural and religious discourse. The article also deals with the role of the discourse in formation of one of the most important concept for Russian linguistic consciousness — the concept of a human. The analysis of the phraseological unit semantic transformations is correlated to the problem of interpretation sources of Biblical phraseological units.

Keywords: phraseological unit, biblical expression, inner form, semantics

В русском языке, как и в любом другом, словарный и фразеологический состав находится в состоянии непрерывного изменения: некоторые его части устаревают, а затем отмирают, другие уточняются и наполняются новым смыслом. Фразеологические единицы библейского происхождения (ФЕБП) так же, как и прочие ФЕ, с течением времени претерпевают различные семантические и структурно-семантические трансформации. Поскольку библейские фразеологизмы отличаются ярко выраженной нравственно-дидактической направленностью, отправляют к высшим духовным сущностям, историческое исследование их семантики наглядно показывает динамику ценностной составляющей соответствующего концепта.

Объектом описания в настоящей статье является ФЕБП *скудельный сосуд*. Она не включена во «Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII — XX вв.» [1], в словарь «Меткие и ходячие слова» М.И.Михельсона [2]. Выражение *скудельный сосуд* упоминается лишь в «Словаре редких и забытых слов» В.П.Сомова: *скудельный сосуд* О человеке как о слабом, бrenном существе [3] (та же дефиниция дана в [4]), в Словаре русского языка XI — XVII вв.: *сосуд скудельный* — о человеке [5]. Однако номинация *скудельный сосуд*, *скудельничь сосуд* неоднократно встречается в художественной литературе XVIII — начала XX вв. как при обозначении конкретного понятия — глиняной посуды: *На моих кораблях золотого довольно / Было вина: мы наполнили много скудельных сосудов / Сладким напитком* (В.Жуковский. Одиссея), так и в переносном значении, объективирующим представление о слабости, несовершенстве человеческой природы: *Недаром великие подвижники и праведники так красноречиво говорили о скудельном сосуде, который и есть женщина* (Мамин-Сибиряк. Злой дух). Таким образом, в XIX в. еще осознавалась внутренняя форма фразеологизма, мотивирующая его значение: *скудельный сосуд* — «сделанный из глины», «непрочный».

Образ *скудельного сосуда* явно нагружен «идеологически», так как отсылает к христианскому

представлению о бrenности земного существования, подчиненности тела духу. Глубокий смысл уподобления человека глиняному сосуду раскрывается в контексте: *Посему мы не унываем; но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется. Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу* (2 Кор. 4,16,17). Таким образом, это выражение обладает большой познавательной ценностью.

О распространенности метафоры человек — глиняный сосуд в текстах древних памятников свидетельствует наличие переносного значения у существительного *скудель*, в своем прямом значении обозначающего глиняный сосуд; изделие из глины: *скудель* — 4. То, что создано из праха; творение, создание: *Услыши молитву раба твоего и уши приими моление скуделя твоего* (3 Езд. VIII, 24) Библ. Генн. 1499 г. [5], а также наличие этого образа в основе фразеологизма *скудельница соли*, употребляющегося в Гennaдиевской Библии: *скудельница соли* — соляной столп, в который превратилась жена Лота [5].

Сравнение человека и его судьбы с сосудом свойственно русской национальной картине мира, о чем говорит, например, иллюстративный материал к статье «горшок» в Словаре В.И.Даля: *Родится, вертится, растет, бесится, помрет — туда и дорога! — горшок, Взят от земли, яко Адам; ввержен в пещь огненную, яко три отрока; посажен на колесницу, яко Илия; везен бысть на торжище, яко Иосиф; куплен женою за медницу, поживе тружеником в огне адском и надсадился; облечен бысть в пестрые ризы, и нача второй век житии; по одряхлении же разсыпается, и земля костей его не приемлет? — горшок* [6].

Приведенные в Словаре В.И.Даля загадки свидетельствуют о включении концепта горшок-сосуд во все акциональные фреймы, представляющие «Способ существования» человека (такие, как «Тяжелый повседневный труд», «Болезни», «Старение», «Смерть» и т.п.). Таким образом, процесс метафоризации выступает одним из способов освоения психологической реальности и концептуализации действительности,

посредством чего метафорическое значение «вплета-ется» в картину мира, выражаемую языком» [7].

Устойчивый оборот *скудельный сосуд* является, по терминологии В.Н.Телия, концептуальной метафорой: «концептуальная метафора не экспрессивна: она относится к миру «интеллигибимов»... живой образ в таком наименовании стирается, а значение имеет тенденцию к генерализации... создает новый «идеальный» объект, а вместе с ним — заполняет лакуны в номинативном инвентаре» [8]. Действительно, метафоре *скудельный сосуд* трудно подобрать фразеологические аналоги: в Словаре-справочнике Р.И.Яранцева, представляющего, по словам автора, «костяк русской фразеологии», он не может быть отнесен ни к одной из тридцати шести тематических рубрик раздела «Свойства человека и качества его характера» [9]. Несвойственное фразеологизмам отсутствие экспрессии, объективный характер значения мешает отнести этот фразеологизм даже в наиболее пестрые по составу группы под условным названием «Уважительная характеристика человека» и «Отрицательная характеристика человека».

В этой связи интересно отметить, что совесть, которая «выступает как объединяющее и альтруистическое начало в человеке», по наблюдению Ю.Д.Апресяна, «представляется как некое существо внутри человека» [10], т.е. в наивной картине мира может рассматриваться как содержимое глиняного сосуда — тела человека. Совесть, «всегда нацеленная на добро, обладающая врожденным безошибочным чувством высшей справедливости и дающая человеку предписания» уравнивает действие другой силы — воли, которая может быть и доброй и злой. Апресян отмечает асимметрию этих двух начал в русской концептосфере: «добра в человеке... в целом больше, чем зла, потому что по другую сторону от нейтральной воли нет антагонистического совести злого начала» [10].

В православном дискурсе фразеологизм *скудельный сосуд* не содержит отрицательной экспрессии. Так, у прп. Иоанна Лествичника он только подчеркивает высоту нравственного подвига насельников обители, превозмогших в себе эгоистические желания и освободившихся от власти страстей: *Послушаем еще и подвиги премудрости Божией, обретающейся в скудельных сосудах... я удивлялся вере и терпению некоторых новоначальных и тому, как они с неутомимой твердостью переносили от настоятеля выговоры и укоризны, а иногда и отгнания, и терпели это не только от настоятеля, но и от других меньших* [11].

В «Слове утешения к скорбящим инокам» свт. Игнатия (Брянчанинова) номинация *словесные сосуды* получает атрибут *Божии*, эксплицирующий представление о ее высоком символическом смысле: *Скудельник знает, сколько времени должно держать в огне глиняные сосуды, которые, будучи передержаны, распадаются, а будучи недодержаны, негодны к употреблению: тем более знает Бог, какой силы и степени нужен огонь искушений для словесных сосудов Божиих — христиан, чтоб они соделались способными к наследованию Царства Небесного* [12].

В этом текстовом фрагменте актуализируется смысл «искушаемый скорбями», достойное перенесение которых вознаграждается жизнью вечной, «соизмеримость страданий возможностям человека». Посредством словосочетания *словесные сосуды* эксплицируется представление о человеке как о мыслящем существе, обладающем свободой волей.

Таким образом, в семантической структуре ФЕБП *скудельный сосуд* достаточно яркими оказываются признаки «тварность», «недолговечность», «смертность», «слабость», однако они не наделены отрицательными коннотативными смыслами, поскольку страдание и смерть «внешнего человека» должны рассматриваться не как недостаток его природы, а как проявление Божественного Промысла об очищении души и обретении вечной жизни «внутреннего человека». Важнейшим элементом значения этого выражения является когнитивный признак «вместилище». В Геннадиевской Библии и в Лествице Иоанна Лествичника логическим ударением выделяется содержимое скудельного сосуда — *скровище (божественная любви)* (2 Кор. 4, 7), *премудрость Божия*, не случайно это выражение в обоих случаях стоит в форме предложного падежа, семантико-синтаксической функцией которого является определение предмета по месту и назначению: *Имамы бо, рече, скровище в сосудах скудельных. О, скровище, божественная любви <...>* (2 Кор. IV, 7)... XVI в. [5]. (В Синодальном издании Библии *скудельный сосуд* заменен на *глиняный*: «Но сокровище сие мы носим в глиняных сосудах, чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не нам» (2 Кор. 4, 7)).

Особенности употребления фразеологизма *скудельный сосуд* в православном дискурсе подтверждают наблюдения З.Д.Поповой, И.А.Стернина об актуальных для носителей русского языка когнитивных признаках концептов, обозначающих емкости: если для сознания англичан в «посудной» сфере наиболее важны классификаторы *формы* и «*стекла*», т.е. *материала изготовления*, то для русского сознания в этой сфере более важным оказывается классификатор *назначение* сосуда [13].

Итак, в религиозном дискурсе *скудельный сосуд* — творение по природе — предстает вместилищем Божественных совершенств, *премудрости Божией*. Таким образом, оно оказывается связанным с фреймом, структурирующим знание о высшем предназначении человека, взаимовлиянии жизни тела и духа. Представление о духовном и нравственном смысле земной жизни, воплощенное в этой ФЕБП соотносится, по терминологии М.М.Бахтина, с ««утвержденным контекстом ценностей»», ценных не для того или иного индивидуума в ту или иную эпоху, а для всего исторического человечества» [14].

Если в православной литературе метафора *скудельный сосуд* служила, так сказать, объективной характеристикой нормы бытия, то в дальнейшем она стала употребляться преимущественно для обозначения душевного и духовного несовершенства, немощи человеческой личности: *Преждевременно разложилась в нем кровь. Преждевременно она разложилась; оттого-то он, видно, и вызывал отвращение; отто-*

го-то странной казалась его фигурка на улице. Этот ветхий, скудельный сосуд должен был разорваться: и он разрывался. (Андрей Белый. Петербург).

Все чаще выражение *скудельный сосуд* стало относиться к женщине: из 11 найденных нами примеров его использования в конце XIX — XX вв. 7 характеризуют лиц женского пола. Причем метафора *скудельный сосуд*, вызывающая эмотивное отношение к объекту номинации, без сомнения, используется как типовая, «классообразующая» характеристика женщины, в отличие от идиом типа *синий чулок*, *сер-жант в юбке*, эксплицирующих оценку индивидуальных особенностей женского поведения.

Номинация *скудельный сосуд* апеллирует к идее физической слабости женщины, неспособности переносить трудности, неудобства, зависимости от мужчины. Об усилении эмоционально-экспрессивного компонента значения говорит перемещение этого выражения в позицию сказуемого: *Это один, один ее порок: восторженна и в восторге сейчас влюбляется. — Однако же, черт возьми, позвольте мне вас уважать! — закричал зычно майор. — Нет-с; это ее надо за это уважать: скудельный сосуд, а совладала с собою, и все для меня!* (Н.С.Лесков. На ножах).

Выражение *скудельный сосуд* обогащается многочисленными коннотациями, сопутствующими семантической категории пола: *То может она [женщина]... восхитительно жаловаться на то, что она слабое творение, сосуд, так сказать, скудельный* (Н.А.Добролюбов. Стихотворения Юлии Жадовской).

Итак, изменение референциальной отнесенности выражения *скудельный сосуд* сопровождается преобразованиями в его семантической структуре: фразеологизм сохраняет элементы смысла *хрупкий, слабый, бранный*, однако утрачивает семы, связывающие его с религиозным представлением о сложном соотношении «внешнего» и «внутреннего» человека, с вертикалью Бог — человек.

В современном русском языке ФЕБП *скудельный сосуд* не исчезла бесследно. Она изредка встречается в художественной литературе, чаще используется по отношению к женщине, но связывается не с внутренними, духовными ее качествами, а с физической природой: *Из дому, улыбаясь, вышла высокая женщина на вид лет пятидесяти... Представилась: Визма, — Драго тотчас добавил что-то полуприличное, солоноватое, мол, сосуд греха, надеюсь, правда, что исключительно моего, упругий скудельный сосуд моего греха.* (А.Найман. Пропущенная глава).

Изменение аксиологического вектора ФЕБП — совсем не редкое явление в сфере библейской фразеологии. Как отмечают исследователи, «в русской библейской фразеологии часто наблюдается процесс десакрализации, что нередко приводит к появлению у БФ иронической или шутильной окраски, причем у

многих из них эта стилистическая характеристика зафиксирована словарями (см., например: *агнец Божий (непорочный), прикидываться агнцем, бездна премудрости* и др.)» [15].

Этот процесс отражает динамику состояния национальной когнитивной картины мира, ценностные ориентиры, присутствующие в сознании членов современного российского общества. Однако он не является всеобъемлющим: в религиозных текстах, а также в некоторых случаях и в художественной литературе сохраняется смысл и функционально-стилистические коннотации ФЕБП, восходящие к ассоциируемому с ним преданию.

Таким образом, базовое стереотипное ядро знаний, или когнитивная база народа — «совокупность знаний и представлений, которыми необходимо обладают все личности, входящие в тот или иной социум» [16], выделяется из индивидуальных концептосфер как некая их часть, поэтому можно говорить и о существовании групповых концептосфер (профессиональных, возрастных, гендерных и т.д.), продуктивность которых применительно к современной культурной рефлексии еще мало исследована.

1. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII — XX вв.: Ок. 7000 словар. ст. / Под ред. А.И.Федорова. М., 1995. 606 с.
2. Михельсон М.И. Ходячие и меткие слова: Сб. русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). М., 1994. 616 с.
3. Сомов В.П. Словарь редких и забытых слов. М., 1996. С.497.
4. Словарь современного русского литературного языка. Т.13. М.; Л., 1962. С.1084.
5. Словарь русского языка XI — XVII вв. Вып.25. М., 2000. С.34-35.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Т.1. М., 1998. С.943-945.
7. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. С.136.
8. Там же. С.144.
9. Яранцев Р.И. Русская фразеология: Словарь-справочник: Ок. 1500 фразеологизмов. М., 1997. С.57-66.
10. Апресян Ю.Д. // Вопросы языкознания. 1995. №1. С.40-41.
11. Лествица, возводящая на небо преподобного Иоанна Лествичника, игумена монахов Синайской горы. М., 2007. С.81.
12. Цит. по: Авдеев Д.А. Нервность: ее духовные причины и проявления. М., 2009. С.130.
13. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М., 2007. С.134.
14. Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Работы 20-х годов. Киев, 1994. С.46.
15. Дубровина К.Н. Библейская фразеология в произведениях А.П.Чехова — <http://www.grammar.ru/RUS/?id=7.20> на 20.12.2009.
16. Попова З.Д., Стернин И.А. Указ. соч. С.37.